

Владимир АРИСТОВ

ТЕЧЕНИЕ НОЧИ

Книга устало раскинула крылья
В темноте ты нащупал чуть выпуклый шрифт
В эту ночь можно было бы и свет включить
Но там где искал ты источник был только сток

Он внезапно возник
В наших опытах
Неожиданно
Как неземной результат
В изношенных кедах
И с горлом больным
В камуфляже слинялом
Явно с чужого плеча
Он сказал, а верней, прохрипел
Что рассказать ничего не сможет
Потому что это нельзя передать
Да мы его и не просили
Мы видели больше
В его разных глазах – разных осколках озер
Лишь больное желание
Оттолкнувшись, уйти от земли
Но наверное даже на это сил уже не хватало
Он шатался, но земная тяга
Вниз тянула каждый его неуверенный шаг
«Запишите», – прошептал он
указав неразжимаемым кулаком
в давно запекшейся крови
в светлый компьютерный экран
(словно откуда-то знал про наш лабораторный журнал дневник наблюдений)
Что прошу одного, чтобы меня поместили
В зеркальный шкаф

Владимир Аристов родился и живет в Москве. Окончил МФТИ, доктор физико-математических наук. Публикации в журналах «Новый мир», «Знамя», «Комментарии», «Иностранная литература», «Арион», «Воздух», «НЛО» и др. Автор двадцати одной книги поэзии и прозы. Литературные премии: им. Алексея Крученых (1993), Андрея Белого (2008), «Различие» (2016). Предыдущая публикация в «Волге» – «Встречное движение» (интервью, 2023, № 1-2).

Чтобы меня не видели, не зрили
Но знали, что я там – здесь
А я бы видел всех
И дальше, дальше, дальше
Напоследок взглянуть на долины, долины, долины
То, что я видел тогда, думал в последний раз
Мы уверили, что теперь не в последний
Что его опыт теперь нескончаем
А он просил его прекратить
Погасить экраны
И еще раз – прозрачными сделать все зеркала
Раз уж не в наших силах все окончить, закончить
И мы уверили его, что сделаем все, что можем

Серебряная седина

Ты кухонный увидел нож
Нет, ты его увидишь
И мирную его мирскую сталь ты видишь

Снежные корабли

Я думал снега сошлись
А это целый флот
Детских смятых кораблей
Смятых снежных кораблей

Слеза протаяла весну
И горький ключ забил
Забвеньем будет ли
Или новым сладостным снегом

То трюм, а не тюрьма
Забвенье, а не тьма
Мы будем рядом все стоять
Любить, а не
Не забывать, нет, да, не забывать

Связной – из сна твоего тянется бинт

Кругосветное свадебное путешествие

Головокружение шара земного
Рыбы и подлодки и смена кают

Все смешалось у вас дорогие
Рубашка смята на дне рундука
И новенький день звенит как деньги
Видите вы лишь профили друг друга
На фоне вулкана безжизненного
На фоне воды прозрачной до дна веков
Фрегат «Паллада» и «Бигль» на дне зеленой бутылки
Зеркальное небо вокруг
А за зеркалом счастье всеобщее
Доступнее чем вы друг для друга

Течение ночи

В течение ночи вторгается день
Мгновенным лицом окрыленным
И сразу бледнеет с глаз отведенной помехой
До призрачности до прозрачности влажного знака
Темнота останется
И все же неполная тишина
Улиц
Откуда может быть раковинами ушными подобран
Едва различимый назойливый зуд или телефон
И беженец-слух понарошку в ночи погибает

С неясной миссией
Наш черно-белый кот Маркиз
Отправлялся по гранитному карнизу
К дипломатическим квартирам
От нашей коммуналки
Над не столь высокой бездной
Над улицей Горького
На третьем этаже
И возвращался отпробовав домашних
возможно иноземных цветов
Слегка отравленный
С открытыми на мир огромными глазами
На паркете следы той тошноты
Недолго сохранялись
Кошмар кошке-человечий
Примирила всё вода
Сырая ткань паркета проступала
И древесина взгляд влекла – ее погладить светом

Non-fiction. Гостиный двор

О, я хочу безумно жить
А. Блок

Мир не без умных людей
Безымянная сентенция

Люди в гостях у книги. Книги в гостях у людей.

Здесь книги есть как драгоценные вина
А несколькими ступенями ниже
Коллекционный винил

Не любите книгу в себе (как вещь)
А себя в книге
Автору это не скажешь

Медленно я ходил по рядам
И качал головой
А потом той же кивал головою

От отчаяния
Потому что даже названия всех
книг не охватишь
И всех – хотя бы тут – всех людей
не прочтешь
Но одного в толпе я узнал
И воскликнул: «Стетсон!»
Он обернулся, я воскликнул:
«Чейгин!»

Но вновь обознался
И все же
Сам он меня узнал

И мы стояли, говоря друг с другом глазами
и словами

И вдруг через него одного
и люди другие раскрылись
И я незаметно взял в левую руку
какую-то книгу
И зрением боковым ее раскрыл
В простой оранжевой оболочке
на странице я школу свою узнал
И рядом увидел образ церкви
где школа потом возникла
Там где венчалась Цветаева
И я эту книгу закрыл

Но другие книги вдруг незаметно открылись
Чтобы войти во все достаточно лишь одной
Чтобы войти в людей достаточно одного

И мой приятель после того, как я это ему
сказал
Улыбнуться хотел или качнуть головой
Но тут его узнал один, затем другой и
все по цепочке
А я остался один среди книг, не узнаваем никем

Свет и в ночи
Вместе со всеми
Очнуться, когда еще зимняя темнота
И миновал одиночку войти